

В. В. ВЕРЕСАЕВ

Коктебель

С осени 1918 года до осени 1921 года мне пришлось прожить в Крыму, в дачном поселке Коктебель, где года два перед тем я купил себе дачу.
<...>

Представительницей порядка, благовоспитанности, комильфотности и строжайшей нравственности была М. А. Дейша-Сионицкая. Представителем озорства, попрания всех законов божеских и человеческих, упоенного «эпатирования буржуа» был поэт Максимилиан Волошин. Вокруг него группировались целая компания талантливых молодых людей и поклонниц, местных и приезжих. Они сами себя называли «обормотами». <...>

Волошин был умен, образован. Но крайне неприятное впечатление производило его непреодолимое влечение к парадоксам.

Человек чрезвычайно оригинальный, он из всех сил старался оригинальничать. Чем ярче была нелепость, тем усиленнее он ее поддерживал. Он утверждал, например, что заплата очень идет к платью, но только она должна быть контрастирующего цвета — красная на зеленом платье, оранжевая на синем и т. п. Он с самым серьезным видом повторял изречение какого-то французского острослова, утверждая, будто это сказал Микеланджело: что для того, чтобы дать статуе полное совершенство, нужно ее по ее окончании сбросить с горы. Чтобы Микеланджело сбросил своего Моисея с горы! Что Венера Милосская прекрасна и без рук — это вовсе не значит, что с руками она стала бы хуже.

— «Женская красота есть кожная болезнь». Идеальную красавицу способен полюбить только писарь. Вы посмотрите, все знаменитые красавицы отличались каким-нибудь уродством и умели заставить принять свое уродство за красоту. Или возьмите женские образы Боттичелли. Итальянца того времени привлекала здоровая, смуглая, краснощечная женщина с огненными волосами (потому что итальянки вообще

черные) — для этого даже волосы мыли раствором ромашки. И вот Боттичелли дает свою красоту и завоевывает ею итальянца — хрупкую, чахоточную дквушку (оригинал — предмет любви одного из Медичи, умерла 21 года. Имя?).

Все время усиленно щеголяет знаньями.

— Заплаты — это ничего. Только нужно, чтобы они ярко выделялись. Лучше всего, чтобы были дополнительного цвета: к зеленому — красные, к синему — оранжевые.

— Ну, это парадокс!

— А что такое парадокс? Это — истина, показанная с неожиданной стороны.

Утверждал, что верит в хиромантию, предсказывал судьбу по линиям рук. Лечил заговорами.

Когда советская власть в 1919 году овладела Крымом, я заведовал в феодосийском наробразе отделом литературы и искусства и пригласил в репертуарную комиссию Волошина. Он первым делом поставил такой принципиальный вопрос.

— Известно, — сказал он, — что искусство, по выражению Оскара Уайльда, «всегда восхитительно бездейственно». Зритель переживает в театре определенные эмоции и именно поэтому перестает переживать их в жизни. Поэтому, например, если мы хотим убить в человеке стремление к борьбе, мы должны ставить пьесы, призывающие к борьбе; если желаем развивать целомудрие, то надо ставить порнографические пьесы.

На губах его играла чуть заметная самодовольная улыбка, а мне просто стыдно было за него, что и в такой момент он самым подходящим почел щегольнуть парадоксом; стыдно было перед рабочими, с изумлением и негодованием слушавшими его высказывания. Разумеется, мне как председателю немедленно пришлось снять с обсуждения этот «принципиальный» вопрос.

При белых он в какой-то симферопольской газете не то напечатал статью, не то дал пространное интервью, где высказывался, что единственное спасение для распадающейся России это объединиться под руководством... патриарха Тихона!¹ Нужно заметить, что церковником он никогда не был, а вытекало это единственно из желания ошарашить читателя по голове хорошей дубиной.

Приезжая журналистка вместе с секретарем местного сельсовета пришли к мысли учредить шефство приезжих дачников, среди которых много бывает профессоров, писателей и пр., над деревней Коктебель.

— Я вообще враг всякой общественной деятельности. От нее никогда ничего, кроме вреда, не бывает... Зачем ликвидация безграмотности? У вас теперь есть радио, его могут слушать и безграмотные.

— Этого слишком мало. Деревня совершенно некультурная, вместо врачебной помощи прибегает к заговорам.

— И хорошо делает. Заговоры гораздо полезнее, чем всякие врачебные средства...

И пошел! Цитировал Гиппократ, Галена, Аверроэса, Авиценну, Агриппу Неттельсхеймского². Посетители слушали выпучив глаза. То, что они считали признаком глубокой темноты и невежества, рассыпал перед ними блестящий, видимо, умный и необычайно образованный человек. На прощанье он спросил посетительницу, чем она занимается.

— Я журналистка.

— Самое вредное занятие на земле!

Очень скоро у меня пропала всякая охота о чем-нибудь спорить с ним. Чувствовалось, что самой очевидной истины он ни за что не примет, если она будет в банальной одежде. Маленькие его смеющиеся глазки под огромным лбом озорно бегали, и видно было, что он выискивает, чтобы сказать такое, чтобы посильнее ошарашить противника. Очень скоро это стало невыносимо скучным.

В политическом отношении он не считал себя ни большевиком, ни белым. Где-то в стихах писал, что ему равно милы и белые, и красные, и воображал, что стоит выше их, тогда как в действительности стоял только в стороне.

И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи,
Средь золотых великолепий
Конями вытоптаных жнитв.

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

(Гражданская война, 1919)

У власти были красные — он умел дружить с красными; при белых — он дружил с белыми. И в то же время он всячески хлопотал перед красными за арестованных белых, перед белыми — за красных. Однажды при белых на одной из дач был подпольный съезд большевиков.

Контрразведка накрыла его, участники съезда убежали в горы, а один явился к Волошину и попросил его спрятать. Волошин спрятал его на чердаке, очень мужественно и решительно держался с нагрянувшей контрразведкой, так что даже не сочли нужным сделать у него обыск. Когда впоследствии благодарили его за это, сказал:

— Имейте в виду, что когда вы будете у власти, я так же буду поступать с вашими врагами.

<...> И мастерская и кабинет Волошина были во всю высоту заставлены полками с книгами; к верхним полкам вела от хор галерейка. Книг было очень много, все очень ценное по литературе французской и русской, литературоведению, философии, теософии, искусствоведению, религии, масса ценнейших художественных изданий, заграничных и русских; книг по естествознанию не замечал; поражало полное отсутствие книг по общественным и экономическим наукам. Он с гордостью заявлял, что Маркса не читал и читать не будет.

<...>

Очень оригинальна его литературная судьба. Начал он второсортными модернистскими стихами. Но и тогда обратило на себя внимание его энергичное стихотворение, кажется, называлось оно «Ангел мщения», а начиналось так: «И ангел говорит...»³. Стихи его были перенасыщены ученостью, а чтобы понимать его, нужно было постоянно заглядывать в энциклопедический словарь. Однажды в Москве он читал одно стихотворение Вячеславу Иванову и сам с гордостью говорил об этом стихотворении, что во всем мире, что во всем мире его могут понять только два человека: он сам и Вячеслав Иванов. <...>

Революция ударила по его творчеству, как огниво по кремню, и из него посыпались яркие, великолепные искры. Как будто совсем другой поэт явился, мужественный, сильный, с простым и мудрым словом, но и тут постоянно его сосало желание оригинальничать. Помню, когда я однажды читал цикл его стихов «Путями Каина» одному умному и тонкому знатоку поэзии, М. П. Неведомскому⁴, он спросил: сколько Волошину лет?

— За пятьдесят.

— Странно. Какое прорывается мальчишеское оригинальничанье. Ни одного другого писателя я не встречал, который бы так охотно читал свои произведения встречному и поперечному, как Волошин. Его не нужно даже было просить, он прямо сам говорил:

— Позвольте, я вам почитаю свои стихи.

И читал бесконечно. И нужно признать — по большей части и слушатель был рад его слушать бесконечно. Относясь «объективно» и к красным, и к белым, он совершенно искренне писал стихи, из которых одни

приводили в восторг красных, другие — белых, бывало даже так, что за одно и то же стихотворение и красные, и белые считали Волошина своим. В общем, однако, для советской власти он был малопринимлем, только отдельные стихотворения ему удавалось напечатать в журналах.

Мои уста давно замкнуты... Пусть!
Почетней быть твердимым наизусть
И списываться тайно и украдкой,
При жизни быть не книгой, а тетрадкой.
И ты, и я — мы все имеем честь
«Мир посетить в минуты роковые»
И стать грустней и зорче, чем мы есть.
Я — не изгой, а пасынок России
Я в эти дни — немой ее укор⁵.

Сам Волошин очень большое значение придавал своему «Дому поэта» и видел в нем свое призвание, смысл и заслугу своей жизни — как культурный очаг. <...>

Производил он на меня двойственное впечатление. Иногда казался глубоким просветленным мудрецом. Говорил:

— Наша собственность — это только то, что мы отдаем. Чего мы не хотим отдать, то не нам принадлежит, а мы ему принадлежим. Не мы его собственники, а оно наш собственник.

Иногда же казался просто шарлатаном, не имеющим в душе ничего серьезно заветного.

Печатался Волошин мало. Литературный гонорар был ничтожный. Кое-что получал от продажи своих акварелей. Существовать на это было, конечно, невозможно. Кажется, получал он ежемесячно что-то от ЦЕКУБУ (Центральная комиссия улучшения быта ученых)⁶. Много помогали гостившие у него летом клиенты. Волошин целый год получал от них продуктовые посылки, так что даже менял продукты на молоко; по подписке купили ему шубу.

Он легко брал от других, но легко и отдавал <...>

